

**ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРАВА
(публичная лекция в пользу пострадавших от неурожая)***

Милостивые государыни и государи!

Тяжелое безвременье, надвинувшееся на Русскую землю, всем нам ставит одну задачу, на всех налагает одну обязанность — долг братской помощи, кто чем может и кто как умеет; и прежде всего, конечно, помощи материальной. Не остался и не останется безответным высокий призыв к жертвованиям. Быть может, нам не придется похвалиться отдельными крупными жертвованиями. Но не в богатстве отдельных лиц наша сила. Как в былое время богатей Садко не осилил господина Великого Новгорода, так и всегда на Руси

Жита по зернышку

Горы наношены.

Но великое народное горе требует и другой помощи, помощи знания. Чтобы помочь тяжелой беде, мало одного горячего порыва сердца. Надо знать и уметь: надо знать средства, надо уметь приложить их к делу. И каких только вопросов не выдвинул за собой вопрос о неурожая! Представители самых разнообразных отраслей человеческого ведения в дружных усилиях работают над разрешением этих насущных вопросов дня. Прежде всего ищут средств непосредственной борьбы с последствиями неурожая. А затем выдвигаются и более общие вопросы. Приходится внимательно относиться к самим себе, приглядеться к условиям нашего быта, выяснить причины бедствия, озаботиться мерами предупреждения его возможного повторения — и, как всегда в общественных вопросах, и тут оказываются затронутыми все стороны общественной жизни, все вопросы так переплелись и так неразрывно связаны между собой, что нельзя коснуться одного, чтобы не затронуть и других. Вопрос обобщается сам собой и незаметно переходит в общий вопрос о подъеме общественной культуры. Мы не властны изменить условий нашего климата, мы не можем распоряжаться атмосферными осадками. Приходится подумать о том, как ослабить самые последствия неурожая, позаботиться о том, чтобы неурожай не приводил к голоду. И вот со всех сторон слышится один ответ: не отдельными мерами, а только общим подъемом культуры можно достигнуть этой цели: чем выше общественная культура, тем невозможнее голод.

Развитие культуры выражается в постоянном и неуклонном возрастании общественной сплоченности. Каждый новый шаг по пути культурного развития приводит все к большей и большей зависимости человека от общественной среды. Общество охватывает собою человеческую личность все крепче и теснее. Нравственные учения и экономические условия современного общества одинаково сходятся в этом стремлении везде и во всем на первое место поставять

---

* Публикуется по: **Сборник статей Н.М. Коркунова, профессора Петербургского университета. 1877—1897.** Санкт-Петербург, Издание юридического книжного магазина Н.К. Мартынова, 1898, с. 65—76.

общее. Такое усиление общественной солидарности, такое подчинение частного общему как нельзя более подходит к нашему положению: это очевидно вернейший путь к тому, чтобы осилить постигшее нас бедствие.

Но в сложном составе современной культуры имеется один элемент, не гармонирующий с этим общим направлением и образующий как бы встречное течение; не подчиняющий личность требованиям общественной среды, а обособляющий и оберегающий все индивидуальное, все особенное. Таково именно право, отмежевывающее индивиду свою неприкосновенную сферу свободы, где каждый сам себе хозяин. Личность отгораживает себя среди все возрастающей солидарности своими правами и требует уважения к ней не только со стороны других личностей, но и со стороны общественной власти. И общественной власти, признающей эти права, на каждом шагу приходится считаться с ними, сообразуя с ними свою деятельность. Без права дело было бы проще. Все слилось бы тогда в один согласный аккорд, все подчинилось бы тогда требованиям общественного развития. Права же отдельных личностей, ограничивающие и стесняющие деятельность власти, представляются зауряд лишь помехой общественному делу. Не следует ли поэтому признать право чисто отрицательным элементом общественной культуры, не служит ли право лишним и только мешающим прогрессивному развитию общественной жизни придатком?

Ведь вся современная культура основана на высоком начале общечеловеческой солидарности, возвешенной великим учением Христа. А право вводит обособление и разделение. Не даром и до сих пор наука права и юридическое образование опирается как на свое основание на римское право, представляющее собою строгую и последовательную систему чисто языческого эгоизма. К чему современному обществу удерживать это по-видимому чуждое христианской цивилизации наследие языческой старины?

Не только христианское вероучение, и положительная наука как бы подсказывает нам тоже сомнение. Прошло то время, когда юрист, отстаивая непреходящее значение права, мог опереться на пресловутую гипотезу естественного права. Все охватывающее собою и все развивающееся историческое воззрение лишает права личности их абсолютного значения. Когда-то безусловное веление разума, право признается теперь изменчивым продуктом исторического развития. Возникшее во времени, при одних условиях общественной жизни, меняющееся во времени, не должно ли право также и исчезнуть, со временем, когда общество человеческое разовьется в крепкий и сплоченный организм?

Чему, в самом деле, служит право? Конечно, индивидуализму. А сама историческая роль индивидуализма не сводится ли к одной разрушительной задаче? Не видим ли мы в последовательном развитии человеческой истории, что индивидуалистические учения служили всегда лишь одному разрушению устаревших, изживших свое содержание культурных форм. Своим вечным протестом против всякого признанного авторитета индивидуализм, возбуждая дух критики, подрывал уважение к устоям старого установившегося порядка, расчищал место для нового культурного строя, но сам ничего нового создать не мог. Когда приходилось от разрушения переходить к творчеству, индивидуализм опять

сменяли иного рода учения, требовавшие прежде всего подчинения индивидуальной личности общественному авторитету.

История человечества изобилует такого рода примерами. Так было в древней Греции, где индивидуалистическое учение софистов послужило как бы подготовкой только к философскому учению Платона, требовавшего безусловного подчинения всего частного, индивидуального общим идеям. И в государственной жизни Платон требовал полного поглощения личности государством. Не только собственность, но и брак, и семья, и музыкальные мелодии, и самые детские игры — все подчинялось в идеальном государстве Платона безграничной власти государства.

Но в философских учениях и в самой жизни древней Эллады эта борьба индивидуализма с общественным авторитетом не получает еще полного и яркого выражения. Свойственное эллинам чувство изящного, чувство гармонии умеряло и смягчало этот спор, придавая ему характер скорее философского прения, чем отчаянной борьбы личности за свои права и свободу.

В новой Европе повторилась та же борьба, но только в больших размерах и с большею резкостью. Вся новая история представляет собой трагическую борьбу индивидуализма с общественным авторитетом. С эпохи возрождения подымается горячая борьба за личную свободу против теснивших и угнетавших ее устоев средневекового быта. В искусство, в религию, в науку, в учения нравственности, — всюду проникает самый крайний индивидуализм. Индивидуальная человеческая личность, и притом личность, отрешенная от всех исторических и бытовых условий, ставится мерилom и основой всего сущего и всего мыслимого. В лице Декарта новая философская мысль отвергает все, кроме личного самосознания, и освобожденная от всякого подчинения суверенная личность стремится все вывести из себя самой: и законы, управляющие внешним миром, и нравственные начала, и самого Бога. Развиваясь и расширяясь, этот индивидуализм из области мысли переходит в область действительности и достигает своего апогея в шумном взрыве французской революции.

Но в то самое время, когда, казалось, индивидуализм разрушил все мешавшие ему преграды, когда, можно было думать, наступило время для творчества, для установления нового общественного строя, зародилось и противоположное учение. Не успели еще замолкнуть победные клики торжествующего индивидуализма, как из-под обломков разрушенной старины послышалась новая проповедь подчинения, новый призыв к отречению от индивидуальной свободы во имя общественного авторитета.

На первый раз эта проповедь прозвучала в странной и причудливой форме сказочного социализма. Серьезные люди встретили ее улыбкой; гордые проповедники индивидуализма не считали достойным обращать на нее внимание. Но время шло, социализм переживал свое детство, сказка сменилась научной теорией, полярные короны и антильвы Фурье уступили место головоломным формулам гегелевой диалектики — и с новым учением уже нельзя было разделиться одним презрительным невниманием. Еще шаг дальше, и социализм получает практическую опору: за ним уже слышится лязг железа и виднеется тяжеловесная фигура железного канцлера.

Социалисты были только первыми застрельщиками. За ними тотчас же двинулись в поход против индивидуализма пестрые полчища с самыми разнообразными знаменами. Ожили старые учения, философские и политические, слишком рано отпетые индивидуализмом. Рационализму противопоставляются снова спекулятивные и мистические системы. Но не с одними только старыми врагами приходится теперь бороться индивидуализму. Вооружается против него и новая научная теория, порожденная тем самым духом свободного исследования, который освобожден от теснивших его оков схоластики самим же индивидуализмом.

Итак, индивидуализм со всех сторон теснят теперь враги, отвоевывая от него шаг за шагом господство над умами. И самым опасным врагом индивидуализма, самым беспощадным оказывается именно позитивная доктрина. Она как бы говорит ему: уйди, ты сделал свое дело, ты выполнил свою разрушительную миссию и тебе нечего более делать — созидать не твое дело. Ты освободил человеческую личность из романтического плена средневековых преданий. Но ей нельзя остаться свободной. Личность сама по себе — ничто. Это не более, как обман нашего сознания. Ее судьба служит материалом для общественной постройки, для процесса всемирной истории. Старый общественный строй рушился именно потому, что не устанавливал достаточного подчинения личности обществу; он еще считался с нравственными требованиями, он еще искал основания и оправдания своему господству в заветах божественной личности. Прочный и твердый общественный строй установится лишь тогда, когда будет подчинять себе стремления отдельных личностей с такой же безусловностью и беспощадностью, как законы природы. И вот готовится новое подчинение личности, еще более полное, еще более безусловное, чем прежде. Позитивизм, подобно средневековому учению, отвергает свободу личности и в теоретической, и в практической области, но на совершенно иных основаниях.

Средневековое учение требовало подчинения личности авторитету во имя великого религиозного начала. Власть господствовала над личностью не во имя голой силы, а потому, что каждая власть признавалась установленной Богом. Теперь позитивизм требует подчинения личности общественной власти именно как силе, вследствие неумолимого закона борьбы за существование, где всегда побеждает сильный и только сильный.

Средневековье не допускало свободного исследования тех вековечных вопросов, в которых весь смысл человеческого знания, которые придают ему цену, дают ему жизнь. Но стесненная мысль человека находила тогда себе утешение по крайней мере в том, что в учении церкви ей предлагалось уже готовое и лучшее решение всех этих вопросов. Теперь такое же вето налагает на исследование всех этих вопросов и позитивная теория, не только не указывая другого пути найти их решения, но отвергая даже за ними всякий смысл. Для позитивизма самое стремление осмыслить индивидуальное бытие, придать ему самостоятельное значение — результат грубого заблуждения.

Средневековое порабощение личности было все-таки скрашено живым чувством веры, чарующей мечтой о далекой стране чудес. Подчинение личности обществу, какого требует позитивизм, лишено этой романтической окраски. Тут

все реально и прозаично, и нет ни места чувству веры, ни простора воображения.

Словом, личности, только что возмечтавшей о свободе, со всех сторон грозит новый и еще горший плен: без того поэтического ореола, без той веры в лучший мир, что самое темное время средневековья скрашивали человеку теснившее его иго.

Это будущее так неприветно, так мрачно, и вместе с тем оно, по-видимому, так неизбежно, опирается на такие серьезные доводы, что невольно возникает сомнение, не близится ли и в самом деле окончательная гибель индивидуализма? Не должны ли мы индивидуализм и неразрывно связанное с ним право признать пережитым и обветшалым элементом общественной культуры? Не должны ли мы с Огюстом Контом отвергнуть право, как понятие одинаково и бессмысленное, и безнравственное*, или, если угодно, сохранить название права, но придать ему, следуя немецким юристам школы Иеринга, значение лишь «политики власти»**, видеть сущность права не в свободе личности, а в подчинении ее общественному авторитету.

Правда, индивидуализм находит себе неизменного и надежного союзника в нашем личном сознании. Кто не дорожит самостоятельностью? Кого не пленяет свобода? Но и противоположное учение имеет чем подкупить человека: личному, индивидуальному, частному оно противопоставляет общее. Оно требует отречения от индивидуализма, как приводящего к обособлению, к разделению, к узкому эгоизму ради общей солидарности людей.

По-видимому, вопрос этот разрешается уже одним этим сопоставлением. Возможно ли частное поставить выше общего, индивидуальное выше общечеловеческого; возможно ли отрицать необходимость подчинения общему всего частного и особенного?

Однако я попробую это сделать и начну с вопроса, на чем же основывается эта необходимость предпочитать общее всему частному?

В наших суждениях нередко решающее значение имеют слова,— сами по себе, как звуки. Есть слова, которые пугают нас; другие, напротив, как-то невольно чаруют наше воображение, хотя мы часто и сами не можем дать себе отчета, в чем тут причина. К таким пленительным для нашего слуха словам относятся, без сомнения, и слова общий, общность, общечеловеческий. Мы все как-то невольно, по привычке, ставим все общее выше частного, особенного;

---

* Tout droit humain est absurde autaut qu'immoral. Et puisqu'il n'existe pas de droit divin, cette motion doit s'effacer complètement comme purement relative au régime préliminaire, et directement incompatible avec l'état final qui n'admet que des devoirs d'après des fonctions. Catéchisme positiviste, p. 288.

Всякое человеческое право является столь же бессмысленным, сколь и безнравственным. И поскольку божественного права не существует, это понятие должно полностью исчезнуть, как всецело относящееся к предшествующему режиму и совершенно не совместимое с конечным состоянием, допускающим только обязанности в соответствии с функциями. Позитивистский катехизис, с. 288.

** Die Gewalt gelangt zum Recht nicht als zu etwas ihr Fremdem, das sie von ausserhalb vom Rechtsgefühl entlehnen und nicht als zu etwas Höherem, dem sie im Gefühl ihrer Inferiorität sich unterordnen müsste, sondern sie treibt das Recht als Maass ihrer selbst aus sich heraus — das Recht als *Politik der Gewalt*. Der Zweck im Recht, I, 2 Aufl. S. 249.

приписываем общему какое-то особенное превосходство; признаем за общим какие-то особые права на подчинение ему всего частного, всего особенного.

Это превознесение общего над частным идет, бесспорно, главным образом, от людей науки, и не трудно понять, почему именно. В науке общее действительно занимает первенствующее место, имеет преобладающее значение. Научное знание есть именно обобщенное знание. В этом его особенность, его смысл, его достоинство и его несовершенство. Человек по ограниченности своей природы не в состоянии познать всех индивидуальных явлений, совершающихся во вселенной. Его непосредственному восприятию доступна лишь незначительная часть окружающих его явлений. И вот недостаток конкретного знания, по необходимости крайне ограниченного, восполняет ему наука, дающая только абстрактное, а потому менее полное, менее живое, но зато более общее знание. Если бы мы были совершенны и всеведущи как боги, если бы нашему знанию было доступно все сущее в его индивидуальном разнообразии, в его прошлом, настоящем и будущем, научные обобщения стали бы для нас совершенно излишни. Если я знаю наперед каждое отдельное явление в его конкретной индивидуальности, зачем мне могут понадобиться общие законы этих явлений? Но познавательная способность человека ограничена. Наша память не может удержать в себе безграничного множества восприятий. Наш ум не может провидеть будущее в конкретной форме. Поэтому, частью для мнемонических целей, для большего удобства запоминания, частью для предвидения по крайней мере в общей форме будущих явлений, мы обобщаем наше знание, придаем ему форму науки, расширяющей наше знание в ущерб его конкретности.

Значение научного знания для человека стоит вне всякого сомнения и спора. Но достоинство научного знания не в его общности, а в его широте. Общность и неразрывно с нею связанная абстрактность не достоинство, а несовершенство. Если бы можно было достигнуть такой же широты знания, не обобщая его, а сохраняя за ним непосредственную конкретность, было бы еще лучше. И только потому, что это для нас недостижимо и что, следовательно, широта необходимо обусловливается общностью, мы ценим и общность как признак широты.

Итак, в науке общность есть действительно признак достоинства. Чем общее положения науки, тем легче удержать их в памяти, тем более широкий круг явлений объемлется ими. Но, следовательно, и тут, и в области знания общность имеет значение только средства, которым достигается широта знания. Настоящим же предметом знания всегда служит частное, индивидуальное.

В сфере практической деятельности это сказывается с еще большей силой. Все, чем дорожит человек в своей жизни, все что трогает его сердце, все, что придает смысл и интерес самой жизни, — все это не общее, а индивидуальное. Если бы для нас все окружающие люди стали безразличны, если бы все условия нашей жизни слились в одно, потеряли бы свои конкретные особенности, если бы время не приносило с собой новых случайностей, если бы, словом, из нашей жизни исчезло все индивидуальное и у нас не было бы на всей земле ни одного родного нам уголка, ни одного дорогого нам человека, ни одного заветного воспоминания о пережитой минуте счастья, наше существование стало бы невыносимо однообразным и бессмысленным, оно перестало бы быть жизнью.

Обращаясь от личной сферы к общественной жизни, мы находим то же самое. И тут человек ставит на первое место свою индивидуальную личность, свои личные стремления. Оценка всех условий государственного строя и общественного быта делается им именно по соображению с тем, насколько они содействуют осуществлению личных целей. Весь общественный строй является в наших глазах не целью, а только средством.

Таковы факты повседневной жизни. Но, может быть, не так должно быть согласно требованиям нравственного идеала? Может быть, в этой склонности общественное подчинять индивидуальному мерилу сказывается только наш эгоизм, долженствующий с большим нравственным развитием уступить место полному отречению от всего индивидуального?

Нравственные учения очень разнообразны. Между ними имеются, без сомнения, и такие, которые основаны всецело на полном отрицании всего индивидуального. Современные учения нравственности тем характерно и отличаются от нравственных учений древности, что на первый план ставят не заботу о собственном блаженстве, а служение другим, заботу о чужом благе, любовь к своим ближним. Альтруизм составляет, бесспорно, самую характерную особенность этических систем нового времени, и нередко альтруизм этот доводится до полного поглощения всех индивидуальных личностей единым великим существом — человечеством.

Однако, если мы обратимся к первооснове всего современного альтруизма, к нравственному учению Христа, мы увидим нечто иное. Христианское учение требует любви ко всем нашим ближним, но оно не превращает наших ближних в какой-то безжизненный абстракт, в отвлеченную, общую идею. Христианство учит нас любить людей именно как живых, конкретных, индивидуальных личностей, во всем их частном разнообразии, со всеми их достоинствами и пороками, в их величии и в их пошлости. И сам великий Учитель евангельской истины показал нам своим примером, что все частное, все индивидуальное, как бы оно ни было мелко и ничтожно, храня в себе зерно жизни, достойно нашего внимания и любви. Придя на землю с великой задачей спасти мир, Он не проходил безучастно мимо даже самых мелких явлений индивидуальной человеческой жизни, встречавшихся Ему на пути Его великого служения.

В этом признании достоинства и значения частного и индивидуального и заключается великая правда и великая сила христианской нравственности. Это учение жизни, это нравственный закон живых личностей, а не отвлеченных, безжизненных понятий.

То же самое находим мы и в религии. Отвлеченный бог деизма или абстрактное непознаваемое позитивизма по необходимости остаются лишенными всякой жизненной силы, всякой власти над нашею волею. Мы можем их допускать как необходимое восполнение оставляемого наукою мыслью пробела, но им нельзя верить. Наполнить наши сердца любовью, творить чудеса может только живой и личный Бог.

Итак, во всех сферах человеческой жизни, в знании, в нравственности, в религии — везде главным и существенным представляется не общее, а индивидуальное. Обобщение только средство, к которому человек прибегает, чтобы

расширить свое знание, свою волю, свое чувство. Но основу и цель жизненной деятельности всегда и во всем составляет индивидуальное.

Наше сознание ставит нашей жизни слишком много и слишком широких задач; наши стремления так беспредельны, что не умещаются в тесных пределах, отведенных человеческому существованию. В этом трагизм человеческой жизни, но в этом и ее смысл и ее обаяние. Кому нечем переполнить свою жизнь, тому незачем и жить.

То же самое повторяется и в общественной жизни. И здесь тот же избыток идей, стремлений, задач, интересов. Каждая индивидуальная мысль с жадностью стремится все обнять, все захватить; каждая индивидуальная воля стремится всему поставить свои цели и задачи, подчинить всю общественную жизнь своим идеалам. И каждый борется за свои идеи, за свои интересы, и в результате получается непрерывное историческое развитие, все шире и полнее раскрывающее смысл и содержание человеческой жизни. Если бы когда-нибудь замолкли индивидуальные стремления, если бы когда-нибудь прекратилась их борьба между собой, тогда неизбежно остановилось бы и всякое общественное развитие. Общественная жизнь тогда бы замерла. Для жизни, для развития необходимы эти противоречащие, сталкивающиеся между собой стремления отдельных личностей к исключительному осуществлению своих идей, своих интересов, потому что без борьбы нет жизни.

Между тем развитие общественной культуры неуклонно ведет все к большему и большему сплочению индивидов в общественные агрегаты, к тому, что все в человеческой жизни получает все больше и больше общественный характер. Общественное развитие идет, так сказать, рука об руку с общественной интеграцией. Во всех сферах человеческой жизни все усиливается начало сотрудничества. То, что прежде делалось отдельной личностью за свой личный страх, теперь становится общим делом все растущих и расширяющихся общественных групп. Человек на каждом шагу видит себя связанным тысячью культурных нитей с другими людьми. Он постоянно и неизбежно пользуется плодами деятельности других и сам, действуя, не может не действовать вместе с тем и для других. Культура вносит во всю общественную жизнь как бы взаимное страхование, все соединяя и обобщая. Случайные неудачи, опасности, бедствия не падают в культурном обществе на отдельных только личностей или на отдельные только местности, но распределяются в своих последствиях между всеми и потому делаются для каждого менее чувствительными. Общественные бедствия теряют свой острый характер, но делаются более хроническими. Так, чтобы не ходить далеко за примером, неурожай в странах более высокой общественной культуры не порождает голода. Большее развитие обрабатывающей промышленности, и в особенности обилие накопленных ранее капиталов, дает им возможность с большою легкостью парализовать вредные последствия неурожая. Но последствия эти и там не уничтожаются вовсе, а только из острых превращаются в хронические. Накопление капиталов не дается само собой. В течение долгих лет многим тысячам приходилось отказывать себе во всяком излишке и даже прямо не доедать, для того чтобы сделать осуществимым то обилие накопленных капиталов, которыми Западная Европа теперь хвалится перед нами.

То же самое мы увидим и в другом благе, приносимом культурным развитием, — в упрочении мирного порядка. Войны теперь стали, действительно, несравненно реже и короче, чем в старое время, но эта выгода покупается ценою содержания и в мирное время огромных армий, тяжелым бременем ложащихся и на государственный бюджет, и на народное благосостояние. Если теперь менее человеческих жизней гибнет от руки врага, зато чуть не все население государства лучшие годы жизни принуждено проводить в казармах и тогда, когда миру ничто не угрожает.

Повторяю, развитие общественной культуры не уничтожает народных зол и бед, но только придает им более хронический, менее острый характер. В этом, конечно, немалая выгода. Хроническая болезнь чувствуется не так сильно, ее легче переносить, с ней удобнее бороться уже потому, что получается выигрыш времени: есть когда одуматься и приготовиться к необходимым мерам. Но если в общественной жизни все получит хронический характер, если последствия всего переживаемого обществом будут распределяться на длинные промежутки времени, общественная жизнь рискует опасностью прийти в такое устойчивое равновесие, что сделается невозможным никакое движение вперед. Слишком уравновешенная общественная культура неизбежно обречена на китайскую неподвижность.

Для устранения этой опасности и является надобность в праве, оберегающем все частное, индивидуальное, окружающем индивида, как предохранительную сеть, целой системой юридических норм.

Право по самому своему существу не допускает подчинения всей общественной жизни какому-нибудь одному господствующему интересу. Право необходимо предполагает противоположение нескольких самостоятельных интересов, друг другу противопоставляемых и друг друга ограничивающих. Назначение права и заключается именно в разграничении сталкивающихся между собой интересов. Вопрос о праве только тогда и возникает, когда одному признанному интересу противопоставляется другой также признанный и также требующий для себя обеспечения возможности осуществления. Если какому-либо одному интересу придается безусловное значение и ему не противопоставляются, а подчиняются все другие, то получается бесправное состояние, принимающее в государственном быту форму деспотии, в частном быту — форму рабства. Напротив, развитие права выражается в признании все большего и большего круга интересов, которые все получают самостоятельное значение, которым всем обеспечивается возможность осуществления, конечно, в определенных пределах, устанавливаемых разграничивающими их юридическими нормами.

Так, в древности гражданское право обращало внимание исключительно на интерес возможно большего обеспечения неуклонного взыскания долга и совершенно игнорировало интересы должника. Поэтому древние законодательства относятся к должнику с необычайной суровостью, доходившей в римском праве до права кредиторов рассекать неисправного должника на части. Теперь этому одностороннему интересу противопоставляются интересы должника, в котором и при его неисправности видят все-таки человека: и вот не только охраняется неприкос-

новенность его тела, но и его свобода и даже неприкосновенность необходимых орудий его промысла, которые не могут быть обращены на покрытие долга.

Так античные государства совершенно поглощали собою личность гражданина, который никаких прав не мог противопоставить безграничному всемогуществу государства. А современная государственная жизнь немыслима без признания известных прав гражданской свободы, неприкосновенных и для самой государственной власти.

Так, в старое время война влекла за собой полное бесправие. Против врага считалось все дозволенным. А в современных войнах все расширяется круг лиц и предметов, пользующихся полною нейтральностью независимо от их неприятельской национальности, и таким образом даже за врагами признаются известные права.

Упрочение и развитие права приводит к тому, что вся масса разнообразных интересов, составляющих содержание человеческой жизни, получает себе признание и взаимно разграничивается. Поэтому каждое индивидуальное стремление находит себе в развитом правовом быту возможность известного осуществления наряду с другими. Благодаря праву господствующие культурные интересы данной эпохи не подавляют собою всех других, а напротив, и им отмежевывается известная сфера проявления. Если бы права не было, данный культурный строй, быть может, получил бы более полное осуществление, его основные начала проявились в более последовательной и безусловной форме. Но зато право оберегает элементы будущего прогрессивного развития, спасая разнообразные индивидуальные интересы от поглощения их одним господствующим в данный момент интересом.

Итак, право должно быть признано необходимым элементом общественной культуры. Культурное развитие выражается в расширении и усилении общественного элемента: теоретическое и техническое знание, нравственные навыки, скопление капиталов, общественные учреждения, содействующие человеку в его разнообразной деятельности, — все это является общественным достоянием, всем этим наделяет человека окружающая его общественная среда. Но все это — только средство. Цель и основа жизни только в индивидуальном. И вот для того, чтобы исторически вырабатываемая общественная культура не утратила своей жизненности, чтобы она не замерла в неподвижном застое, необходимо, чтобы цивилизация включала в себя и право, обособляющее и оберегающее индивидуальное.

И в том общем деле, которое собрало нас здесь сегодня, в этой борьбе с народной невзгодой, общие идеи могут нами руководить, могут указать нам средства борьбы, но для того чтобы явиться в этой борьбе достойным деятелем, надо в самом себе носить живое индивидуальное чувство, которое может развиться и окрепнуть в обществе только под охраню права.

22 ноября 1891 года.
Александровский Лицей